

УДК 347.941
doi:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.05
5.1.3.

Соотношение стандартов доказывания с бременем доказывания

Михаил Андреевич Козлов

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, kozlov@uralslegal.com, <https://orcid.org/0000-0003-3575-7364>

Аннотация. Статья посвящена глубокому анализу соотношения стандартов и бремени доказывания в российском цивилистическом процессе. Автор рассматривает ключевые аспекты и сложности, связанные с применением и интерпретацией данных понятий в современной судебной практике и доктрине. Особое внимание уделено вариативности судебного применения стандартов доказывания, а также аспектам распределения бремени доказывания между сторонами судебного разбирательства. Рассмотрены теоретические подходы к соотношению бремени и стандартов доказывания. В статье акцентируется внимание на необходимости разработки четких критериев и механизмов для определения и применения стандартов доказывания, что позволит устранить существующие противоречия и способствовать формированию более предсказуемой судебной практики. В статье предлагается ряд рекомендаций по совершенствованию нормативного регулирования и практического применения стандартов и бремени доказывания в цивилистическом процессе.

Ключевые слова: стандарты доказывания, бремя доказывания, достаточность доказательств, внутреннее убеждение, *prima facie*

Для цитирования: Козлов М. А. Соотношение стандартов доказывания с бременем доказывания // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12, № 2. С. 90–107. DOI 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.05.

Correlation between Standards of Proof and Burden of Proof

Mikhail A. Kozlov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
kozlov@uralslegal.com, <https://orcid.org/0000-0003-3575-7364>

Abstract. The article presents an in-depth analysis of the correlation between standards and the burden of proof in Russian civil procedure. The author examines the principal considerations and challenges associated with the application and interpretation of these concepts in contemporary judicial practice and doctrine. A particular focus is placed upon the variability of judicial application of standards of proof, as well as aspects of the distribution of the burden of proof between the parties to the proceedings. Theoretical approaches to the correlation of burden and standards of proof are considered. The article addresses the necessity of developing transparent criteria and procedures for establishing and implementing standards of proof. This will eliminate existing inconsistencies and contribute to the formation of a more predictable judicial practice. The article presents a series of recommendations pertaining to the enhancement of normative regulation and the practical implementation of standards, as well as the burden of proof in civil proceedings.

Keywords: standards of proof, burden of proof, sufficiency of evidence, internal conviction, *prima facie*

For citation: Kozlov MA. Correlation between Standards of Proof and Burden of Proof. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(2):90-107. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.05.

1. Общие положения соотношения стандартов и бремени доказывания

На современном этапе развития цивилистического процесса вопрос соотношения стандартов доказывания с бременем доказывания остается дискуссионным, несмотря на достаточно существенный объем судебной практики и количество исследований по данной проблематике. Понятие «стандарт доказывания», равно как и «бремя доказывания», используется в теории и судебной практике, однако законодательству данные термины не знакомы.

Бремя доказывания – одна из ключевых категорий в доктрине и судебной практике. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации понятие бремени доказывания раскрывается как обязанность доказывания [Амосов 1998, с. 21]. Стандарт доказывания, несмотря на свое относительно недавнее проявление в российской правовой системе, получил широкое распространение при рассмотрении практически всех категорий судебных дел. При этом не всегда отчетливо видится разграничение неразрывно связанных между собой стандартов и бремени доказывания.

С одной стороны, все просто – частью 1 статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Из чего следует, что бремя доказывания статично и заранее предопределено основанием требований или возражений.

Основу распределения обязанности по доказыванию составляет предмет доказывания, и каждое участвующее в деле лицо доказывает определенную группу обстоятельств в предмете доказывания, определяемую основанием требований или возражений [Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу ... 2020, с. 46].

С другой стороны, данная простота весьма иллюзорна, так как и в доктрине, и в судебной практике сохраняется неопределенность в вопросах перехода бремени доказывания; также можно встретить утверждения о существовании первичного и вторичного бремени доказывания [Калиновский 2018, с. 97]. В литературе высказываются мнения о существовании статичного и динамичного бремени доказывания, бремени убеждения и бремени представления доказательств как составных элементов бремени доказывания [Курс доказательственного права ... 2019]. При этом остается открытым вопрос относительно роли стандартов доказывания при оценки судами выполнения бремени доказывания лицами, участвующими в деле.

О. В. Баулин пишет, что правила о последствиях неисполнения бремени доказывания не применяются в случае, если по делу добыто достаточное количество доказательственного материала для достоверного установления юридических фактов [Баулин 2005, с. 128]. Однако при этом упускается из виду, что в данном случае применяются правила о последствиях исполнения бремени доказывания. Как справедливо отмечает ученый, суд не может уклониться от вынесения решения, сославшись на недостаточность доказательств. Для устранения неопределенности необходим механизм, который исключил бы возможность произвольной оценки судом обстоятельств дела, вынесения субъективного решения. По мнению О. В. Баулина, таким механизмом выступает бремя доказывания [Там же]. В то же время думается, что таким механизмом является не бремя, а стандарт доказывания, так как последний, являясь критерием внутреннего убеждения, позволяет прийти к заключению об исполнении или неисполнении обязанности по доказыванию.

Рассматривая соотношение стандартов и бремени доказывания, И. В. Цветков отмечает, что **стандарты доказывания устанавливают пороговые требования к доказательствам**, которые должна представить сторона, на которую закон возлагает первичное бремя доказывания соответствующих юридических фактов, прежде чем

обязанность доказывания перейдет к другой спорящей стороне. Сторона, несущая первичное бремя доказывания тех или иных юридических фактов, считается исполнившей свою обязанность доказывания, если только она представит суду минимум необходимых доказательств, подтверждающих данный факт, после чего эта обязанность по представлению более веских доказательств переходит к другой стороне. Ученый приходит к заключению, что если доказательствам обеих сторон присвоить числовые значения, то сторона, на которую переходит бремя доказывания, должна представить суду доказательства с показателем более 50 % вероятности того, что ее версия представленных фактов является верной. И так продолжается до тех пор, пока та или иная из сторон не исчерпает возможность представления более веских доказательств наличия либо отсутствия спорных юридических фактов [Цветков 2004, с. 26].

О. В. Баулин рассматривает стандарт доказывания в российском гражданском процессе как достоверность (автор отождествляет ее с объективной истиной) [Баулин 2005, с. 70], а при невозможности ее достижения – вероятность, но вероятность не произвольно определенную, а основанную на применении правил распределения доказательственного бремени [Там же, с. 81]. Данная градация напоминает английские стандарты доказывания: вне разумных сомнений и баланс вероятностей. Однако критерии этой достоверности или вероятности, а равно внутреннего убеждения, для применения правил распределения доказательственного бремени ученым не названы. Несмотря на несогласие О. В. Баулина с И. В. Решетниковой относительно «наполнения» стандарта доказывания отличным от объективной истины вероятностным весом, ученые солидарны в видении роли и соотношения стандартов и бремени доказывания. О. В. Баулин пишет, что если по делу добыто достаточное количество доказательств для достоверного установления юридических фактов, то правила о последствиях неисполнения бремени доказывания не применяются [Там же, с. 121]. Соглашаясь с данным утверждением, считаем необходимым отметить, что применяется правило о последствиях выполнения бремени доказывания, в соответствии с существующим стандартом доказывания, позволяющим, в том числе, определить «достаточность» доказательств для формирования внутреннего убеждения. Механизм бремени и стандартов доказывания работает всегда в неразрывной связке. Одно немислимо без другого. Если бремя доказывания отвечает на вопрос о том, кто должен доказать, то стандарт доказывания определяет меру внутреннего убеждения суда, которая, в свою очередь, определяет, исполнена ли доказательственная обязанность.

Некоторые ученые рассматривают стандарт доказывания не как критерий внутреннего убеждения, а как правило распределения обязанностей по доказыванию. В качестве основания для такого вывода приводится аргумент, что справедливость требует того, чтобы по тем категориям дел, где есть заведомо более слабая сторона, на нее не возлагалось слишком «тяжелое» бремя доказывания. Поэтому суд может и должен в силу правовых предписаний встать на ее сторону при наличии определенной степени вероятности, а не убежденности в истинности того или иного факта [Аргунов, Долова 2019, с. 81]. Данный подход представляется небесспорным. Во-первых, полагаем, что вероятность события не может быть противопоставлена убеждению в том, что оно произошло или не произошло, так как именно внутреннее убеждение и есть способ измерить логическую вероятность произошедшего события. Во-вторых, ссылка на «тяжесть» бремени доказывания является, в действительности, ссылкой на стандарт доказывания, так как относительная «сложность» или «легкость» исполнения обязанности по доказыванию определены не столько распределением бремени, сколько стандартом доказывания, определяющим момент исполнения бремени – формирования внутреннего убеждения в соответствующей степени.

Некоторые ученые и вовсе противопоставляют стандарты доказывания и бремя доказывания, так как вынесение решения на основании перевеса вероятности приводит к более справедливому результату, чем применение правил распределения бремени доказывания. Если бы решения суда принимались на основе перевеса вероятности, то об-

ласть применения норм о бремени доказывания была бы ограничена редким случаем, когда истинность или ложность фактов одинаково вероятны.

Понимание стандарта доказывания посредством вероятности в ее объективном воплощении приводило сторонников данной концепции к отказу от правил распределения бремени доказывания¹.

Отсутствие единообразного понимания у арбитражных судов соотношения стандартов и бремени доказывания обнаруживается при анализе рекомендаций Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа № 1/2019 (с учетом изменений, утвержденных президиумом суда округа 03.06.2022). Так, отвечая на вопрос о том, что понимается под стандартом доказывания, каким образом распределяется бремя доказывания, Научно-консультативный совет раскрывает содержание термина «стандарт доказывания» через отождествление с кругом обстоятельств, входящих в предмет доказывания, «...бремя подтверждения которых лежит на лице, заявляющем соответствующие требования или возражения.

Подтверждение указанных обстоятельств убедительными и достаточными доказательствами переводит на процессуального оппонента утверждающего лица бремя их опровержения, при нереализации которого суд приходит к выводу о существовании доказываемого утверждающим лицом факта.

Стандарты доказывания дифференцируются по степени строгости в зависимости от положения утверждающего лица в спорном правоотношении, влияющего на фактическую возможность собирания доказательств, в целях выравнивания этих возможностей обеих сторон, а также защиты публичных интересов.

В ходе рассмотрения спора суд вправе скорректировать применимый стандарт доказывания с учетом заявленных тяжущимися доводов и представленных доказательств, **известив их об этом и предоставив возможность реализации бремени доказывания, исходя из измененного судом стандарта**». При этом критерии для корректировки применимого стандарта доказывания в рекомендациях Научно-консультативного совета не раскрываются.

Несмотря на спорность отождествления стандарта доказывания с предметом доказывания, из приведенной позиции Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа следует, что стандарт доказывания является мерой выполнения бремени доказывания, которое представляется суду динамическим.

Изучая вопрос взаимосвязи стандартов и бремени доказывания, исследователи [Карпаев, Косарев 2019, с. 4] справедливо отмечают, что, разрешая дилемму о том, какой из сторон надлежит доказывать тот или иной факт и какие последствия повлечет за собой невыполнение этого бремени, институт бремени доказывания не дает ответа на другой важнейший вопрос: в какой момент суд сможет прийти к выводу, что бремя доказывания выполнено, искомый факт установлен [Глащенко 2021, с. 35].

В. Д. Глащенко отмечает, что соотношение бремени доказывания и стандарта доказывания основано на двух аспектах: бремя доказывания обращено в первую очередь к сторонам, а стандарт доказывания – к суду; бремя доказывания определяет, кто изначально должен доказать тот или иной факт (*ex ante*), а стандарт доказывания определяет результат выполнения бремени доказывания (*ex post*), который выражается в том, что в итоге у судьи появляется требуемая степень уверенности, которая позволяет признать факт доказанным и перебросить бремя доказывания обратного на оппонента [Глащенко 2021, с. 37].

Соглашаясь с тем, что стандарт доказывания является мерилем выполнения бремени, считаем, что оба этих процессуальных механизма в равной степени обращены к суду и сторонам. Если бремя доказывания определяет, кто должен доказать факт, то стандарт доказывания, являясь критерием выполнения обязанности по доказыванию,

¹ Leipold D. Beweismass und Beweislast im Zivilprozess: Vortrag gehalten vor der Juristischen Gesellschaft zu Berlin am 27. Juni 1984. Berlin, 1985. P. 8. (цит. по: [Карпова 2023, с. 151]).

одновременно определяет, какую степень внутреннего убеждения должна стремиться сформировать сторона у суда, выполняя соответствующее бремя.

Обращая внимание на возможность смещения бремени доказывания, некоторые ученые квалифицируют асимметрию доказательственных возможностей в качестве процессуальной ограниченности слабой стороны, что является, по их мнению, предпосылкой для перенесения на сильную сторону бремени доказывания с установлением для нее повышенных стандартов доказывания.

Сторонники теории слабой стороны отмечают, что в делах о банкротстве и корпоративных спорах стала применяться активная динамичная модель переноса бремени доказывания [Бакулин, Кузьмина 2020]. Не углубляясь в суть данной теории, позволим себе лишь отметить, что представляется дискуссионным утверждение об использовании условия доступа к доказательствам в качестве критерия повышения стандарта доказывания. Полагаем, что степень доступности доказательства сама по себе не связана с необходимостью установления повышенного критерия внутреннего убеждения суда.

Представляется, что диспропорциональность в доступе к доказательствам могла бы быть уравновешена через распределение бремени доказывания [Смирнов 2018, с. 15], через установление презумпций.

Н. Д. Грибов, исследуя бремя доказывания в корпоративных спорах, пришел к заключению, что действующим российским процессуальным законодательством и судебной практикой предусмотрены правила смещения бремени доказывания, а также то, что суды часто используют правовую конструкцию «бремя опровержения» [Грибов 2019].

Отсутствие легального определения бремени и стандартов доказывания (в большей степени стандартов доказывания) является причиной разного подхода в доктрине и судебной практике к данным правовым явлениям.

Полагаем, что стандарт доказывания – это мера (критерий) внутреннего убеждения суда (которая, в свою очередь, определяет логическую вероятность существования искомого факта), возникшего по результатам оценки доказательств, которая позволяет суду сделать вывод о том, что бремя доказывания выполнено.

2. Соотношение бремени и стандартов доказывания в рамках обособленных споров в делах о несостоятельности (банкротстве) о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц

Ввиду того что ссылки на стандарты доказывания изначально появились² в судебной практике в рамках обособленных споров по делам о несостоятельности и получили там наибольшее развитие, полагаем, что существенный объем исследовательского материала относительно соотношения стандартов и бремени доказывания представлен именно в этой категории споров.

На распространенность идеи перемещения доказательственного бремени обращает внимание О. В. Баулин, указывая на наличие предпосылок существования в российском цивилистическом процессе предварительного (первичного) распределения бремени доказывания. По мнению ученого, в противном случае институт бремени доказывания не сможет выполнить функцию устранения неопределенности в ситуации, при которой искомые факты невозможно будет установить достоверно, при помощи доказательств [Баулин 2019, с. 127].

В качестве примера ученый приводит положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», регулирующие привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности и рассмотрение судами заявлений кредиторов о включении в реестр.

Так, в соответствии с пунктом 4 статьи 61.16 Закона о банкротстве в случае непредставления лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности, отзыва, указанного в пункте 2 статьи 61.15 настоящего Федерального закона, по причинам, признанным

² Считаем, что стандарты доказывания существовали всегда, однако до последнего времени не были должным образом сформулированы и описаны.

арбитражным судом неуважительными, или явной неполноты возражений относительно предъявленных к нему требований по доводам, содержащимся в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности, **бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности может быть возложено арбитражным судом на лицо**, привлекаемое к субсидиарной ответственности.

Исследователь обращает внимание, что изменение арбитражным судом бремени доказывания в рассматриваемых случаях не является произвольным, не зависит от субъективной оценки совокупности представленных в деле доказательств, так как у изменения соотношения доказательственных обязанностей имеется объективная причина – оно является следствием неисполнения руководителем обязанности действовать разумно и добросовестно в материальных правоотношениях. Предполагается, поскольку такая обязанность на руководителя возложена, что он имеет реальную возможность и обязан представить в случае возникновения спора обоснование и доказательства разумности и обоснованности своих действий и решений [Баулин 2019, с. 130].

Полагаем, что изменения бремени доказывания здесь не происходит, так как на лице, привлекаемом к субсидиарной ответственности, изначально лежит бремя доказывания отсутствия (бремя опровержения) оснований для привлечения его к субсидиарной ответственности.

Можно согласиться с данным утверждением О. В. Баулина, принимая во внимание, что речь идет не о смещении бремени доказывания, а об исполнении существующего. Как и в ординарном споре, например вытекающем из договора подряда, каждая из сторон должна выполнять обязательства, принятые на себя в соответствии с договором, надлежащим образом. Впоследствии, в случае возникновения спора, каждая из сторон обязана представить обоснование и доказательства, подтверждающие исполнение обязательств надлежащим образом.

Поскольку судопроизводство в арбитражном суде основывается на принципе состязательности, отказ от представления доказательств следует рассматривать как отказ от опровержения фактов, на которые обоснованно ссылается процессуальный оппонент. Этот вывод соответствует положениям пункта 4 статьи 61.16 Закона о банкротстве³.

Следовательно, на наш взгляд, уместней говорить о конкретизации норм части 3 статьи 9 и части 3.1 статьи 70 АПК РФ в контексте реалий законодательства о несостоятельности в целях дестимулирования процессуально пассивного поведения лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности [Справочник по доказыванию ... 2020].

Соответственно, само по себе непредставление отзыва лицом, привлекаемым к субсидиарной ответственности (даже в случае признания судом причин непредставления отзыва неуважительными), не должно являться основанием для **перемещения** бремени доказывания (бремени опровержения, которое по факту уже изначально лежит на контролирующем должника лице) отсутствия фактических оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. В противном случае возможно допустить вынесение судом решения против его внутреннего убеждения. Например, если лицо, требующее привлечения к субсидиарной ответственности, не выполнило бремя доказывания в соответствии с требуемым стандартом доказывания (не доказало наличия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности), суд должен вынести решение в его пользу в случае непредставления отзыва лицом, контролирующим должника, так как непредставление отзыва и доказательств отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности является основанием для вывода о наличии таких оснований.

Представляется верным утверждение, что «судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности... должно в любом случае

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.01.2022 № Ф03-7069/2021 по делу № А73-15553/2019.

сопровождаться изучением причин несостоятельности должника»⁴. Следовательно, бремя доказывания оснований возложения ответственности на контролирующее должника лицо лежит на арбитражном управляющем и кредиторах, в интересах которых заявлено требование о привлечении к ответственности (ст. 65 АПК). Поэтому, если арбитражный управляющий и (или) кредиторы убедительно обосновали утверждение о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие незаконных действий (бездействия) последнего, бремя опровержения данных утверждений лежит на привлекаемом лице, которое должно обосновать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, представив документы и объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная деятельность [Особенности арбитражного производства 2019].

Таким образом, бремя доказывания наличия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с заданным стандартом доказывания лежит на арбитражном управляющем и (или) кредиторах, равно как и бремя опровержения соответствующих утверждений на лице, привлекаемом к ответственности.

Касаясь соотношения бремени и стандарта доказывания по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности, Закон о банкротстве нашел решение только вопроса о бремени, оставив вопрос стандарта доказывания правоприменителю. Впрочем, последний не преминул воспользоваться этой возможностью.

В судебной практике распространено мнение, что «...возлагаемый Законом о банкротстве на контролирующих должника лиц **повышенный стандарт доказывания**, связанный с опровержением поименованных в Законе о банкротстве презумпций, корреспондирует обязанности соответствующих лиц представить убедительные пояснения (косвенные доказательства), свидетельствующие о наличии презюмируемых обстоятельств»⁵.

При этом требование к стандарту доказывания для арбитражного управляющего и кредиторов, обращающихся с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, облечено в формулировку «убедительно обосновать». Речь идет об обосновании наличия фактических обстоятельств, которые приводят в действие механизм презумпции и, соответственно, перехода бремени доказывания для ее опровержения на контролирующих должника лиц.

Наглядным примером понимания арбитражными судами требования «убедительно обосновать» может являться подход, обозначенный Арбитражным судом Уральского округа: «Если заинтересованные лица привели **достаточно серьезные** доводы и представили **существенные косвенные доказательства**, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, в силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015.

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.06.2018 № Ф01-1628/2018 по делу № А28-7947/2016; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.06.2019 № Ф02-1812/2019 по делу № А74-8838/2016; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.11.2022 № Ф03-5198/2022 по делу № А04-8507/2017; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 05.09.2022 № Ф03-3572/2022 по делу № А73-14130/2020; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.01.2022 № Ф04-6101/2020 по делу № А45-12276/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.01.2023 № Ф04-7356/2022 по делу № А46-21246/2020; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2020 № Ф05-23768/2018 по делу № А40-196062/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.08.2019 № Ф05-9872/2019 по делу № А40-141298/2014; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.12.2022 № Ф06-4714/2021 по делу № А55-35135/2019; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.12.2022 № Ф07-18351/2022 по делу № А05-12475/2021.

переходит на привлекаемое к ответственности лицо»⁶. Исходя из того, что в делах о банкротстве применяются повышенные стандарты доказывания⁷, можно заключить, что стандарт доказывания фактических обстоятельств возникновения отношений фактического контроля и подчиненности также должен быть повышенным.

Это положение представляется справедливым, соответствующим принципу равенства сторон.

Однако не все ученые согласны с этим подходом. Например, А. В. Алтухов, С. В. Левичев считают, что можно «... констатировать понижение стандарта доказывания статуса контролирующих должника лиц...» [Алтухов, Левичев 2018, с. 29]. В обоснование такого вывода делается акцент на достаточности представления «лишь» косвенных доказательств, а не на требуемой степени внутреннего убеждения суда (не на стандарте доказывания).

С таким обоснованием, на наш взгляд, сложно согласиться, так как, говоря о достаточности косвенных доказательств как метода формирования убеждения суда, нельзя упускать из виду цель (само убеждение) – «...убедительно обосновать утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и о невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего...»⁸. Смещая акцент со средства, в данном случае – косвенных доказательств, мы приходим к выводу, что задачей арбитражного управляющего и/или кредиторов является создание у суда внутреннего убеждения в том, что его версия явно более вероятна, чем версия контролирующего должника лица. В таком случае речь должна идти также о повышенном стандарте доказывания.

Аналогичный подход выработан в судебной практике: «Субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров, поэтому по названной категории дел **не может быть применен стандарт доказывания, применяемый в рядовых гражданско-правовых спорах**. В частности, **не любое подтвержденное косвенными доказательствами сомнение в наличии контроля должно толковаться против ответчика, такие сомнения должны быть достаточно серьезными, то есть ясно и убедительно с помощью согласующихся между собой косвенных доказательств подтверждать факт возможности давать прямо либо опосредованно обязательные для исполнения должником указания**»⁹.

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.06.2023 № Ф09-10717/21 по делу № А60-36369/2020.

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.06.2023 № Ф09-10717/21 по делу № А60-36369/2020.

⁸ См. пункт 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 12.07.2023 № 301-ЭС23-10468 по делу № А11-619/2021; Определение Верховного Суда РФ от 05.07.2023 № 305-ЭС23-10561 по делу № А41-92454/2021; Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2023 № 310-ЭС23-3075 по делу № А68-13615/2021; Определение Верховного Суда РФ от 14.03.2023 № 307-ЭС23-969 по делу № А56-9277/2022; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.11.2021 № Ф01-6332/2021 по делу № А29-1089/2019; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.03.2023 № Ф02-458/2023 по делу № А33-7245/2021; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.03.2023 № Ф02-458/2023 по делу № А33-7245/2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.12.2022 № Ф04-1558/2019 по делу № А45-14070/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2023 № Ф05-10113/2022 по делу № А40-48229/2021; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14.06.2023 № Ф06-28484/2022 по делу № А57-6913/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 09.02.2023 № Ф07-22698/2022 по делу № А56-70983/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.04.2023 № Ф09-1633/23 по делу № А76-13695/2021; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.06.2023 № Ф10-2084/2023 по делу № А08-5896/2022 [Справочник по доказыванию ... 2022; Ткачев 2022; Колесникова 2019; Емалтынов 2019].

Представляется, что причиной возможной двусмысленности может являться не совсем удачная формулировка пункта 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве. Остается неясным, что имел в виду законодатель, ставя в зависимость переход бремени опровержения наличия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности от представления или непредставления отзыва лица, привлекаемого к ответственности. Вне зависимости от представления или непредставления отзыва, бремя опровержения соответствующих обстоятельств в любом случае изначально лежит на привлекаемом к ответственности лице. Более того, сам по себе факт непредставления отзыва уже является фактом отказа от участия в судебном состязании и лишает всякого смысла «сместить» уже и без того существующее бремя доказывания. В судебной практике можно встретить прецеденты, когда привлекаемое к субсидиарной ответственности лицо не представляло отзыв, а суд тем не менее отказывал в привлечении к субсидиарной ответственности¹⁰.

Само по себе наличие презумпций (вины, причинно-следственной связи и т. д.) означает лишь определенное распределение бремени доказывания между участниками спора, что не исключает ни права ответчика на опровержение приведенных заявителем доводов, ни обязанности суда исследовать и устанавливать наличие всей совокупности элементов, необходимых для привлечения ответчика к ответственности¹¹.

В свете вышеизложенного, еще более противоречивое впечатление производит данная норма Закона о банкротстве. Для привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности в любом случае первоначально должно выполнить свое бремя доказывания в соответствии с повышенным стандартом доказывания лицо, обращающееся с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности. Представление или непредставление отзыва на заявление о привлечении к субсидиарной ответственности не может изменить бремя опровержения соответствующих обстоятельств, которое изначально и так несет привлекаемое к ответственности лицо. Единственным поводом для того, чтобы считать основания для привлечения к субсидиарной ответственности установленными, является исполнение обязанности по доказыванию согласно установленному стандарту доказывания.

Представляется, что повышенный стандарт доказывания, возлагаемый на контролирующего должника лиц (связанный с опровержением поименованных в Законе о банкротстве презумпций), с одной стороны, и повышенный стандарт доказывания, возлагаемый на лиц, привлекающих к субсидиарной ответственности, с другой стороны, есть единый стандарт доказывания (две стороны одного и того же стандарта), применяемый к соответствующей категории споров в соответствии с бременем доказывания.

3. Соотношение бремени и стандартов доказывания в рамках обособленных споров в делах о несостоятельности (банкротстве) при включении требований кредиторов в реестр

Исследуя соотношение бремени и стандартов доказывания в делах о несостоятельности, С. Л. Будылин отмечает, что в одном случае (Постановление Президиума ВАС РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010) Высший Арбитражный Суд Российской Федерации сформулировал правило о переходе бремени доказывания после представления первичных доказательств, а в другом случае отождествил «перемещение бремени доказывания» со стандартом доказывания (Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 1446/14) [Будылин 2021].

Полагаем, что в первом случае суд не вводил нового правила о переходе бремени доказывания, а просто сделал акцент на том, что в состязательном судопроизводстве решение должно быть вынесено в любом случае, как при выполнении стороной бремени доказывания, так и при **невыполнении**.

¹⁰ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2019 № 08АП-893/2019 по делу № А75-12492/2018.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 15.03.2023 № Ф02-458/2023 по делу № А33-7245/2021.

Второй случай является более сложным. Президиум ВАС РФ, направляя дело на новое рассмотрение, выработал концепцию, положения которой впоследствии будут цитироваться в тысячах судебных актов, выносимых в рамках дел о банкротстве, а затем и в ординарных судебных разбирательствах.

В целях системности изложения материала позволим себе привести суть этой правовой позиции: «Возможность конкурсных кредиторов в деле о банкротстве доказать необоснованность требования другого кредитора, подтвержденного решением третейского суда, обычно объективным образом ограничена, поэтому предъявление к ним высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. При рассмотрении подобных споров конкурсному кредитору достаточно представить суду доказательства *prima facie*, подтвердив существенность сомнений в наличии долга. При этом другой стороне, настаивающей на наличии долга, присужденного третейским судом, не должно составлять затруднений опровергнуть указанные сомнения, поскольку именно она должна обладать всеми доказательствами своих правоотношений с несостоятельным должником».

Может показаться, что из приведенной правовой позиции можно было бы прийти к заключению о том, что: 1) асимметрия доказательственных возможностей может являться критерием для выбора применяемого стандарта доказывания – чем сложнее доступ к доказательствам, тем ниже стандарт; 2) представление доказательства *prima facie* как способ подтверждения существенности сомнений обоснованности притязаний противной стороны – новый локальный предмет доказывания (к которому, возможно, должен применяться свой стандарт доказывания); 3) подтверждение существенности сомнений в обоснованности притязаний является основанием для перехода бремени опровержения этих сомнений, а вместе с ним и бремени доказывания тех обстоятельств, которые изначально должен был доказывать кредитор, чьи требования включаются в реестр.

Возникает также закономерный вопрос: означает ли ссылка на недопустимость применения высокого стандарта доказывания для лица, обращающегося в суд (например, в суд вышестоящей инстанции, так как это характерно для данной категории споров), понижение стандарта доказывания относительно общего правила [Смола 2018, с. 136] (является ли асимметрия доказательственных возможностей причиной появления асимметрии стандартов доказывания)? Ответ представляется отрицательным, так как стандарт доказывания должен быть единым для определенной категории дел и применяться судом первой инстанции. В рассматриваемом случае в качестве аргумента стороны для отмены судебного акта должно было быть указание на несоблюдение судом первой инстанции повышенного стандарта доказывания, применяемого в соответствующей категории дел¹². Полагаем, что при оценке обоснованности требований аффилированного с должником кредитора изначально должен применяться повышенный стандарт доказывания, так как он обуславливается категорией дела (ценой ошибки неправильного решения), а не обоснованностью сомнений иных лиц, участвующих в деле о несостоятельности.

Использование судами понятия «сомнения» в качестве инструмента для перераспределения бремени доказывания распространено в судебной практике. Так, ссылаясь на позицию Верховного Суда России, суды указывают на то, что «когда лицо, оспаривающее сделку, привело обоснованные сомнения в добросовестности ответчика... бремя опровержения сомнений переходит на последнего»¹³.

¹² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.04.2022 № Ф04-568/2022 по делу № А45-24517/2021.

¹³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.01.2023 № Ф01-7960/2022 по делу № А39-9243/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.09.2020 № Ф01-12558/2020 по делу № А17-10114/2016; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2019 № Ф02-567/2019 по делу № А19-18972/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.02.2023 № Ф05-15591/2021 по делу № А40-310946/2019.

Думается, что ссылка на «существенность сомнений» есть не столько инструмент распределения бремени доказывания [Смола 2018, с. 137], сколько указание на его выполнение или невыполнение противной стороной в соответствии с повышенным стандартом доказывания. Иными словами, наличие существенных сомнений в обоснованности требований стороны свидетельствует об отсутствии внутреннего убеждения суда в том, что версия событий, на которые ссылается сторона (кредитор или истец), является явно более вероятной и она наилучшим образом последовательно и непротиворечиво объясняет имеющиеся факты. И наоборот – убеждение суда в том, что гипотеза о произошедших событиях является явно более вероятной и наилучшим образом последовательно и непротиворечиво объясняет имеющиеся факты, является показателем того, что бремя доказывания выполнено в соответствии с повышенным стандартом доказывания (существенные сомнения исключены).

Если в ординарном судебном разбирательстве для подтверждения конкретного правоотношения достаточным является представление стандартного набора доказательств, то в делах о банкротстве при выяснении такого же рода правоотношения требуется исследовать обстоятельства за пределами рассматриваемого правоотношения. Зачастую суды отмечают необходимость исследования иных форм связей между доказательствами и искомыми фактами. Если в стандартных судебных разбирательствах суды, как правило, применяя обычный стандарт доказывания, не выходят за пределы исследования обычного круга доказательств, документально опосредующих спорное правоотношение при типичном его развитии¹⁴ (ограничиваются исследованием причинно-следственной связи между доказательством и искомым фактом), то при оценке обоснованности требования кредитора, применяя повышенный стандарт доказывания, суды оценивают дополнительный тип связи доказательства и искомого факта – условия с обусловленным [Курылев 2012, с. 247]. Так, например, при оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, подтверждаемого только его распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду надлежит учитывать, позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства¹⁵.

Высокий стандарт доказывания подлежит применению в тех случаях, когда, например, имеет место аффилированность должника и одного из кредиторов. Большое количество участников и характер связей между ними изменяют классический для арбитражного процесса баланс процессуальных прав и обязанностей, в том числе, по мнению некоторых ученых, обуславливают смещение бремени доказывания [Сергеева 2023, с. 27].

Однако если мы посмотрим на эту ситуацию в хронологически последовательном порядке развития процесса (сначала иск предъявляется истцом (требование кредитором), а не возражения ответчика), то всё встанет на свои места. Выполнение истцом (кредитором) бремени доказывания в соответствии с повышенным стандартом доказывания будет являться основанием для удовлетворения исковых требований или включения в реестр требований кредиторов. В такой ситуации представление ответчиком или конкурирующим кредитором доказательств *prima facie* в целях подтверждения существенности сомнений в обоснованности оснований иска или требования кредитора представляется нецелесообразным.

Выполнение бремени доказывания в соответствии с повышенным стандартом доказывания само по себе подразумевает, что суд уже пришел к внутреннему

¹⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.11.2022 № Ф09-7575/22 по делу № А47-2296/2021; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2023 № С01-2568/2022 по делу № А60-23611/2022; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.09.2023 № Ф05-20366/2023 по делу № А40-142530/2022; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.11.2022 № Ф10-4633/2022 по делу № А08-1196/2021.

¹⁵ Пункт 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»

убеждению, что гипотеза истца или кредитора является явно более вероятной и она наилучшим образом последовательно и непротиворечиво объясняет имеющиеся факты, входящие в предмет доказывания.

Сама по себе идея возможности перехода бремени доказывания не является новой для процессуальной науки [Суворов 2019; Зубович 2008; Ильин 2011; Амосов 1998], чего нельзя сказать о попытках осмысления стандартов доказывания через придание весовых характеристик бремени. Представление бремени доказывания в категориях тяжести или легкости появились относительно недавно и в большей степени применительно к обособленным спорам в делах о несостоятельности.

В судебной практике сложился подход, согласно которому «к отношениям, отягощенным банкротным элементом, применим **повышенный стандарт доказывания** кредитором обстоятельств, положенных в основание требований, **существенно отличающийся от обычного бремени доказывания** в сходном частноправовом споре, что обусловлено существенным публично-правовым характером процедур банкротства.

...На аффилированных лиц **возлагается повышенное бремя доказывания** наличия разумных и правомерных экономических мотивов их действий (бездействия), в том числе реальности совершенных хозяйственных операций, направленных на достижение не противоречащей закону цели»¹⁶.

И наоборот, в судебных разбирательствах, не связанных с рассмотрением споров в делах о несостоятельности, можно встретить выводы окружных судов о правомерности применения судами обычного стандарта доказывания, ввиду отсутствия оснований для «**повышения бремени доказывания**»¹⁷.

Раскрывая содержание повышенного стандарта доказывания (ясные и убедительные доказательства), Научно-консультативный совет Арбитражного суда Западно-Сибирского округа указывает на необходимость увеличения бремени доказывания таким образом, чтобы требования утверждающего лица были подтверждены исчерпывающе¹⁸.

В доктрине также можно встретить описание стандарта доказывания через «весовые» характеристики бремени. Так, А. А. Яльцев пишет, что возложение более **тяжелого** бремени доказывания обычно связано с наличием у стороны больших возможностей по представлению доказательств [Яльцев 2020, № 9; Яльцев 2020, № 10].

Д. И. Смольников считает негативным требование о том, что стороны должны представить такую совокупность доказательств, которая позволит сделать все обстоятельства очевидными и непротиворечивыми, ввиду возложения на них слишком **тяжелого** бремени доказывания [Смольников 2015, с. 200].

Рассматривая применение арбитражными судами стандартов доказывания при рассмотрении споров о взыскании упущенной выгоды, А. Н. Глушков также отождествляет степень бремени убеждения со стандартом доказывания [Глушков 2019, с. 42].

Из приведенных выше примеров следует, что и судебная практика, и доктрина процессуального права иногда допускают отождествление стандартов и бремени доказывания.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.12.2022 № Ф04-6156/2022 по делу № А70-2897/2021; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.01.2022 № Ф04-5632/2017 по делу № А75-15493/2016; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 04.06.2020 № Ф04-6587/2018 по делу № А75-12948/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2020 № Ф04-6295/2017 по делу № А75-14406/2015; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2022 № Ф05-24403/2019 по делу № А40-151662/2018; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.12.2021 № Ф10-5326/2021 по делу № А14-10819/2018.

¹⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.07.2023 № Ф04-2610/2023 по делу № А03-9107/2022.

¹⁸ Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Западно-Сибирского округа №1/2019 (с учетом изменений, утвержденных президиумом суда округа 03.06.2022).

Смещение данных понятий может привести к путанице и невозможности полноценного функционирования каждого из этих институтов.

Считаем, что ни стандарты, ни бремя доказывания не обусловлены позицией лиц, участвующих в деле, и остаются неизменными, так как при установлении требований в деле о банкротстве не подлежит применению часть 3.1 статьи 70 АПК РФ, а также часть 3 статьи 70 АПК РФ, согласно которой при установлении требований в деле о банкротстве признание должником или арбитражным управляющим обстоятельством, на которых кредитор основывает свои требования, само по себе не освобождает другую сторону от необходимости доказывания таких обстоятельств¹⁹.

Стандарт доказывания при рассмотрении требований кредиторов является повышенным относительно общеискового стандарта доказывания. Однако основной причиной применения повышенного стандарта доказывания в этой категории споров видится не столько доказательственная асимметрия, сколько увеличение цены социальной ошибки в случае вынесения неправильного решения, так как «попадание в реестр недобросовестных кредиторов либо кредиторов с фиктивной задолженностью в итоге приводит к негативным последствиям в виде уменьшения процента голосов на собрании и снижению доли удовлетворения независимых добросовестных кредиторов с реальными требованиями²⁰.

4. Соотношение бремени и стандартов доказывания в рамках ординарного гражданского судебного разбирательства

Возникнув при разбирательстве корпоративных споров и в делах о несостоятельности (банкротстве), в дальнейшем ссылки на применение стандартов доказывания начали появляться в ординарных спорах. При этом если первоначально в качестве критерия для применения повышенного стандарта доказывания указывалось на асимметрию доказательственных возможностей аффилированного с должником кредитора по сравнению с независимым, то в ординарном гражданском судебном разбирательстве такие критерии изначально указаны не были. Но сама идея неравенства доказательственных возможностей сторон легла в основу применения судами повышенных стандартов доказывания и (или) перераспределения бремени доказывания вне рамок обособленных споров о несостоятельности.

Объясняя необходимость применения нижестоящими судами повышенного стандарта доказывания, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа подчеркнул: «Действительно, в общеисковом процессе с равными возможностями спорящих лиц по сбору доказательств применим обычный стандарт доказывания, который может быть поименован как “разумная степень достоверности” или “баланс вероятностей”» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600(5-8)).

Обычный стандарт доказывания предполагает вероятность удовлетворения требований истца при представлении им доказательств, с разумной степенью достоверности подтверждающих обстоятельства, положенные в основание иска. В этом случае состав доказательств, достаточных для подтверждения оснований иска (их опровержения), должен соответствовать обычному кругу доказательств, документально опосредующих спорное правоотношение при типичном развитии, которыми должна располагать его сторона.

В данном случае отступление от общеискового стандарта доказывания обосновано судами мотивированным указанием на существование в компании длительного корпоративного конфликта, сопровождавшегося причинением контролирующим лицом убытков юридическому лицу.

¹⁹ Пункт 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016.

Вместе с тем следует учитывать, что в случаях, когда процессуальные возможности участвующих в деле лиц заведомо неравны (что характерно, в частности, для споров, осложненных банкротным элементом, обстоятельствами аффилированности участников отношений либо иными конкретными обстоятельствами, объективно и существенно затрудняющими для одной из сторон доступ к доказательствам и снижающими таким образом эффективность доступа к судебной защите), цели справедливого, состязательного процесса достигаются **перераспределением судом между сторонами обязанности по доказыванию значимых для дела обстоятельств.**

В результате такого перераспределения слабая сторона представляет в обоснование требований и возражений минимально достаточные для подтверждения своей позиции доказательства, принимаемые судом при отсутствии их опровержения другой стороной спора, которая, в свою очередь, реализует бремя доказывания по повышенному стандарту, что предполагает необходимость представления суду ясных и убедительных доказательств требований и возражений»²¹.

Из приведенной позиции следует, что неравенство процессуальных возможностей по доказыванию суды рассматривают в качестве основания для одновременного перераспределения бремени доказывания (слабая сторона представляет в обоснование требований и возражений минимально достаточные для подтверждения своей позиции доказательства) и повышения стандарта доказывания для сильной стороны, которая, в свою очередь, реализует бремя доказывания по повышенному стандарту доказывания.

Однако если мы вникнем в рассматриваемый спор, то увидим, что в действительности перераспределения бремени доказывания не произошло. Ответчик ссылался на отсутствие у него обязательств по оплате нефтепродуктов ввиду отрицания самого факта поставки и, соответственно, на отсутствие у истца права требования оплаты. Следовательно, именно истец должен был изначально доказать наличие у него права требования оплаты, возникшего из поставки нефтепродуктов, на которую он ссылался в качестве основания своего требования. Вместе с тем суды не возложили на истца обязанности дополнительно доказывать какие-либо обстоятельства, на которые тот ранее не ссылался. Однако стандарт доказывания действительно был повышен путем расширения предмета доказывания. Суд предложил истцу представить дополнительные доказательства, подтверждающие возможность самого факта поставки им спорных нефтепродуктов ответчику (было предложено раскрыть дополнительный вид связи доказательства с доказываемым фактом – условия с обусловленным), выйдя таким образом за непосредственно исследуемые правоотношения. Очевидно, что подтверждение дополнительной связи доказательства с устанавливаемым фактом (условия с обусловленным) повышает степень внутреннего убеждения суда в действительности существования фактического обстоятельства, на которое ссылается сторона. Если истцом не было доказано наличие у него нефтепродуктов, то сложнее поверить в то, что он мог передать их должнику (отсутствие условия исключает возникновение соответствующих последствий).

Можно говорить о появлении тенденции ссылаться на применение повышенных стандартов доказывания при рассмотрении судами трудовых споров. Например, повышенные стандарты доказывания применяются судами при доказывании оснований для привлечения работника к материальной ответственности²².

В одном из трудовых споров суд «в основу принимаемого решения положил трудовой договор, представленный стороной истца (а не тот, который представил ответчик-работодатель)», ссылаясь на повышенный стандарт доказывания ввиду того, что работник является более слабой стороной²³.

²¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.09.2021 по делу № А75-11901/2020.

²² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 01.11.2023 по делу № 33-17497/2023; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 04.08.2021 по делу № 33-11604/2021.

²³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 18.08.2021 по делу № 33-

Говоря об ординарных судебных разбирательствах, суды обращают внимание на то, что «в общеисковом процессе с равными возможностями спорящих лиц по сбору доказательств применим обычный стандарт доказывания, который может быть поименован как “разумная степень достоверности” или “баланс вероятностей”».

Он предполагает вероятность удовлетворения требований истца при представлении им доказательств, с разумной степенью достоверности подтверждающих обстоятельства, положенные в основание иска.

Представление суду утверждающим лицом подобных доказательств, не **скомпрометированных** его процессуальным оппонентом, может быть сочтено судом достаточным для вывода о соответствии действительности доказываемого факта для целей принятия судебного акта по существу спора.

По результатам анализа и оценки доказательств по правилам статьи 71 АПК РФ суд разрешает спор в пользу стороны, чьи доказательства **преобладают** над доказательствами процессуального противника (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004)»²⁴.

Представляется, что в рамках ординарного арбитражного и гражданского судопроизводства стандарты доказывания только формируются. Критерий применения повышенных стандартов доказывания, в отличие от споров о несостоятельности или корпоративных споров, на сегодняшний день не определен (зачастую судами делается ссылка на доказательственную асимметрию или просто слабую сторону, как, например, в трудовых спорах. При этом не раскрывается, что это означает в каждом конкретном случае).

Здесь можно чаще наблюдать необоснованные попытки отступления судами от классической модели распределения бремени доказывания, что порождает сомнения в обеспечении ими реализации принципа состязательности.

5. Общие выводы

Стандарт доказывания, выступая мерой внутреннего убеждения, является критерием выполнения стороной обязанности по доказыванию. Суд делает вывод о выполнении или невыполнении лицом, участвующим в деле, обязанности по доказыванию в соответствии с существующим стандартом доказывания, позволяющим определить «достаточность» доказательств для формирования внутреннего убеждения.

Стандарт доказывания не может отождествляться с предметом доказывания, но может быть повышен за счет его расширения.

Стандарты доказывания можно дифференцировать по степени строгости не в зависимости от положения утверждающего лица в спорном правоотношении, влияющего на фактическую возможность собирания доказательств, а в зависимости от социальной цены ошибки в случае принятия судом неправильного решения.

Суд не вправе в ходе рассмотрения спора корректировать применяемый стандарт доказывания, используя в качестве предлога для такой корректировки заявленные тяжущимися доводы и доказательства.

Время доказывания является статичным, а стандарт доказывания единым (для всех лиц, участвующих в деле) как для истца, так и для ответчика.

Полагаем, что ссылка судов на перераспределение бремени доказывания (или на переход бремени доказывания) является, скорее, образным выражением, указывающим на неисполнение обязанности по доказыванию.

Если допустить, что у общего правила распределения доказательственного бремени иной смысл, то получится, что оно не способствует устранению неопределенности в правоотношениях: когда доказывание одного и того же факта может быть обязанностью каждой из противоположных сторон, да еще и перемещаться в ходе рассмотрения

11966/2021; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 11.08.2021 по делу № 33-11486/2021.

²⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.05.2023 № Ф04-1847/2023 по делу № А45-17472/2022.

дела, неясно, в чью же пользу принимать решение, если получение достоверной информации о факте невозможно [Баулин 2005, с. 202].

Полагаем, что правило, согласно которому каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, остается неизменным. Бремя доказывания лежит на том, кто утверждает, что ему принадлежит известное гражданское право, а не на том, кто отрицает это право [Энгельман 1912].

Применительно к обособленным спорам, например о включении в реестр кредиторов, это означает, что именно кредитор, заявляющийся в реестр, настаивает на наличии у него права требования к должнику. Следовательно, на нем и лежит бремя доказывания обстоятельств, подтверждающих данное право, в соответствии с заданным стандартом доказывания. Именно поэтому возражения иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, против включения в реестр требований такого кредитора не перераспределяют бремени доказывания, а осложняют его выполнение заявляющимся в реестр кредитором в соответствии с высоким стандартом доказывания. Чем сильнее сомнения в обоснованности притязания кредитора, тем «дальше» такой кредитор от выполнения бремени доказывания в соответствии с заданным стандартом доказывания.

Таким образом, когда суд не может прийти к внутреннему убеждению в доказанности фактических обстоятельств, например, в соответствии с повышенным стандартом доказывания (версия одной из сторон является явно более вероятной и наилучшим образом последовательно и непротиворечиво объясняет имеющиеся факты), то должно применяться общее правило о последствиях невыполнения бремени доказывания – отказ в удовлетворении исковых требований или требований кредитора о включении его в реестр.

Представляется, что, говоря о перераспределении бремени доказывания, в действительности подразумевают не столько динамичность бремени, сколько динамичность внутреннего убеждения.

Факт, который казался убедительным, вдруг, с появлением новой информации, может оказаться весьма сомнительным, а впоследствии сомнения могут рассеяться, но все это никоим образом не отражается на распределении доказательственного бремени [Баулин 2005, с. 217]. Бремя доказывания остается статичным, чего не скажешь о внутреннем убеждении, которое, действительно, подвержено изменению в связи с осуществляемой постоянной предварительной оценкой доказательств.

Список источников

- Алтухов А. В., Левичев С. В. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве // Судья. 2018. № 4 (88). С. 27–32.
- Амосов С. М. Бремя доказывания в арбитражном процессе // Российская юстиция. 1998. № 5. С. 21–22.
- Аргунов В. В., Долова М. О. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 2. С. 76–104.
- Бакулин А. Ф., Кузьмина А. В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 2. С. 203–250. DOI 10.24031/2226-0781-2020-10-2-203-250.
- Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел : 12.00.15 : дис. ... д-ра юрид. наук / Баулин Олег Владимирович ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 394 с.
- Баулин О. В. Изменение бремени доказывания и фактической ситуации в доказывании при разбирательстве гражданских дел // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 124–132. DOI 10.24031/2226-0781-2019-9-1-124-132.

- Будылин С. Л. Стандарты доказывания в деле о банкротстве. Практическое значение // Закон. ру : сайт. 29.06.2021. URL: https://zakon.ru/blog/2021/06/29/standarty_dokazyvaniya_v_dele_o_bankrotstve_%C2%A0prakticheskoe_znachenie (дата обращения: 14.01.2024).
- Глащенко В. Д. К вопросу о соотношении категории стандарта доказывания со смежными институтами доказательственного права в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 10. С. 34–39. DOI 10.18572/1812-383X-2021-10-34-39.
- Глушков А. Н. Судебная практика применения стандартов доказывания в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 5. С. 38–43.
- Грибов Н. Д. Бремя доказывания в корпоративных спорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 25–28.
- Емалтынов А. Р. Процессуальные аспекты субсидиарной ответственности по обязательствам недействующего юридического лица // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 11. С. 25–29.
- Зубович М. М. Правомерны ли «юридические качели» в механизме процессуального взаимодействия? // Российская юстиция. 2008. № 9. С. 17–19.
- Ильин А. В. К вопросу об обосновании перераспределения бремени доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 3. С. 27–30.
- Калиновский К. Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статический подходы // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссий. науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 94–103.
- Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. 2019. № 5 (63). С. 3–96.
- Карпова А. А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 6. С. 138–163.
- Колесникова С. Г. Актуальные вопросы судебной практики об ответственности контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Арбитражные споры. 2019. № 4 (88). С. 5–48.
- Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М. : Статут, 2020. 1071 с.
- Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство : сборник документов / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 656 с.
- Курылев С. В. Избранные труды. Минск : Ред. журн. «Промышленно-торговое право», 2012. 607 с.
- Особенности арбитражного производства : учебно-практическое пособие / О. В. Абознова, Ю. В. Аверков, Н. Г. Беляева и др. ; под ред. И. В. Решетниковой. М. : Юстиция, 2019. 324 с. (Серия «Арбитраж»).
- Сергеева С. Л. Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 2. С. 26–30. DOI 10.18572/1812-383X-2023-1-26-30.
- Смирнов А. В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы Всероссий. науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 года / под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб. : Петрополис, 2018. С. 9–23.
- Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 8. С. 129–165.
- Смольников Д. И. Мифы о стандартах доказывания // Закон. 2015. № 12. С. 199–205.
- Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 480 с.
- Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / под ред. И. В. Решетниковой. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2020. 360 с.

- Суворов Е. Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 130–161.
- Ткачев А. А. Субсидиарная ответственность конечных бенефициаров в процедурах банкротства // Вестник арбитражной практики. 2022. № 1. С. 63–70.
- Цветков И. В. Налогоплательщик в судебном процессе : практическое пособие по судебной защите. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004. 208 с.
- Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с.
- Яльцев А. А. Внутреннее судебское убеждение и объективные критерии доказанности – неотъемлемые элементы одной системы? // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 36–42. DOI 10.18572/1812-383X-2020-9-36-42.
- Яльцев А. А. Внутреннее судебское убеждение и объективные критерии доказанности – неотъемлемые элементы одной системы? (окончание) // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 31–36. DOI 10.18572/1812-383X-2020-10-31-36.

Информация об авторе

Михаил Андреевич Козлов, соискатель кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева» (Екатеринбург, Россия). SPIN-код 5055-1239.

Information about the author

Mikhail A. Kozlov, applicant for the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 11.03.2024.
Одобрена после рецензирования | Revised 11.04.2024.
Принята к публикации | Accepted 12.04.2024.